

Общество и культура: риски транзитивности

УДК 101.1:316

В.П. Веряскина

Трансформация человека в обществе риска: роль социальных и биомедицинских технологий

Аннотация:

Статья посвящена анализу тенденций трансформации человека в эпоху позднего модерна. Эти тенденции обусловлены вызовами в области человеческого развития, которое определяется как расширение возможностей выбора в социальной и индивидуальной жизни. Вызов в социальной жизни связан с кризисом общества наемного труда и возникающими рисками индивидуализации. Контекстом трансформации человека становится утрата контроля над переменами, неопределенность, и как следствие – биографическое разрешение системных противоречий. Управленческие техники манипуляции поведением создают риски в индивидуальной жизни. Выбор стиля жизни формирует самоидентичность человека, но ведет одновременно к рискам и ответственности за этот выбор. Использование биотехнологий, в том числе и биомедицинских, может служить улучшению и позитивной трансформации человека, но в рамках этико-правового регулирования и определении границ безопасного вмешательства в человеческую природу.

Ключевые слова: человек, трансформация, человеческое развитие, социальные технологии, труд, управление, биотехнологии, риск, жизненная политика, этика

Об авторе: Веряскина Валентина Петровна, кандидат философских наук, доцент, Институт философии РАН, старший научный сотрудник; эл. почта: vpveryaskina@gmail.com

Идея совершенствования развития человека в историческом развитии общества

Идея совершенствования человека и преобразования его природы в определенном социокультурном контексте не нова. Новым мы сегодня воспринимаем вопрос о

направленности, векторе движения к образу человека, которого мы считаем совершенным. Можно выделить, по крайней мере, три подхода, которые уже реализовались в историческом развитии: это нормативный подход, рефлексивный и научно-технологический. Нормативный подход связан с культурной традицией, где идеал человека и должное, достойное поведение декларируются и реализуются в процессах социализации. Примерами могут служить модель «благородного человека» в китайской культурной традиции, человека как Путника тайны и наместника Бога на земле в исламской культурной традиции, трактовка человека как образа и подобия Бога в христианской традиции.

Рефлексивный подход к улучшению человека на пути к движению к совершенству предполагает практики «заботы о себе» (М. Фуко), активный процесс самовоспитания, самоанализа, работу мысли над собой. Современный вариант рефлексивного подхода обусловлен поисками идей более справедливого общества, насколько это возможно в условиях капитализма, что связано с обсуждением и реализацией равенства возможностей в обществе и распределением ресурсов развития. В данном социально-историческом контексте актуальна проблема развития человеческих качеств и личностного потенциала. Программой развития ООН в 1990 г. был инициирован глобальный проект человеческого развития, которое трактуется как процесс расширения возможностей людей вести долгую и здоровую жизнь, приобретать знания и иметь доступ к материальным и духовным ресурсам. Этот проект позволил на основе статистических данных по базовым параметрам выявить рейтинг стран по показателю ИРЧП (Индекс развития человеческого потенциала): улучшение и динамика развития человеческого потенциала как основного ресурса социального и экономического развития стран. На индивидуальном уровне рефлексивный подход реализуется в политике стиля жизни, основанной на выборе. Э. Гидденс в работе «Современность и самоидентичность» [11] отмечает, что жизненная политика – политика выбора связывается с репродуктивными технологиями, модой, влиянием экспертного знания и СМИ на индивидуальность человека как рефлексивный проект. Нарастающей тенденцией становится переход от практик нравственного самосовершенствования на основе традиций и внутренней духовной работы к надеждам на научно-технические возможности улучшения и конструирования человека.

Достижения и вызовы в области человеческого развития в условиях рискогенного общества

Мир, в котором мы живем сегодня, тесно связан с понятиями возможности и неопределенности, с представлениями о риске. Обратим внимание на определение риска, которое дает известный социолог Э. Гидденс: «Риск – это не то же самое, что опасность или угроза. Понятие риска связано с активным анализом опасности с точки зрения будущих последствий. Оно широко используется лишь в обществе, ориентированном на будущее, для которого будущее – это территория, подлежащая завоеванию и колонизации. Концепция риска предполагает наличие общества, активно пытающегося порвать с собственным прошлым, - а это главная характеристика индустриальной цивилизации нового и новейшего времени» [2, 39]. Есть риски, связанные с внешними угрозами (неурожаи, наводнения, эпидемии) и так называемые рукотворные риски, возникающие в результате человеческой деятельности. Именно они сегодня вызывают особую озабоченность и проблематизируют вопрос об управлении рисками.

В Докладах, посвященных человеческому развитию, в рамках Программы развития ООН (ПР ООН), представляется следующая картина развития на глобальном уровне [4, 4].

В период с 1990 г. мир значительно продвинулся вперед по пути человеческого развития [4, 4]. Люди живут дольше, большее количество детей ходит в школу, больше людей имеет доступ к чистой воде и базовым санитарно-гигиеническим условиям. Глобальное значение ИЧР (Индекс человеческого развития) выросло более, чем на четверть, а в наименее развитых странах – наполовину. Численность людей, живущих в условиях низкого уровня человеческого развития снизилось с 3 млрд. в 1990 году до ~1 млрд. в 2014 году. Этот прогресс вместе с повышением доходов способствовал формированию самого высокого уровня жизни в истории человечества.

Вместе с тем человеческий прогресс еще нестабилен, распространены лишения, и значительная часть человеческого потенциала остается неиспользованной.

- В странах мира 795 млн. человек страдают от хронического голода;
- Во всем мире 780 млн. взрослых и 103 млн. молодежи (15-24 года) неграмотны;
- К числу тяжелейших лишений относится неиспользование человеческого потенциала в работе: В 2014 году, согласно официальным данным о безработице – 204 млн. человек не имели работы (из них – 74 млн. молодежи), а 830 млн. человек были малоимущими работающими (живут на 2 доллара в день).

- Проблема роста неравенства доходов: на долю 80% населения мира приходится только 6% мирового богатства, а в 2016 году, по оценкам, на долю 1% населения приходится более половины богатства.

Такая картина социального развития человеческих ресурсов с точки зрения будущих последствий носит рискогенный характер и требует мер по управлению социальными рисками, которые уже в настоящее время обозначились в форме неконтролируемой миграции, террористических войн и цветных революций. Социальные технологии управления социальными рисками в области человеческого развития связаны с приверженностью *принципу всеобщности* на глобальном и национальном государственном уровне. «Государство всеобщего благосостояния, истоки которого можно проследить еще в «законах о бедных», принятых в елизаветинской Англии, - это, по сути, система управления рисками (risk management). Она призвана защищать от опасностей, некогда рассматривавшихся как воля богов, - болезней, потери трудоспособности, безработицы и старости» [2, с. 39].

На глобальном уровне сформулированы принципы управления рисками, которые могут быть реализованы при соответствующих ресурсах и полномочиях на уровне государств. Они сформулированы в одном из последних Докладов ООН о человеческом развитии с характерным названием: «Обеспечение устойчивого прогресса человечества: уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости». Приверженность *принципу всеобщности* – национальная и глобальная – означает всеобщее предоставление социальных услуг, укрепление социальной защиты и обеспечение полной занятости. В Докладе поясняется: *всеобщее предоставление социальных услуг* предполагает доступ к образованию, медико-санитарной помощи, водоснабжению и канализации, общественной безопасности. Всеобщий характер мер содействует социальной солидарности, причем доступ к базовым элементам достойной жизни не следует увязывать с платежеспособностью.

Укрепление социальной защиты. Социальная защита включает в себя страхование от безработицы, пенсионные программы, регулирование рынка труда. Сильная социальная политика не только улучшает индивидуальную жизнестойкость, но и содействует жизнестойкости экономики в целом.

Обеспечение полной занятости. Всеобщий доступ к достойному труду является ключевым элементом формирования жизнестойкости в масштабах общества; он способствует усилению психологической субъектности, созданию социальных связей,

социальной стабильности и социальной сплоченности, безопасности, в то время как следствием безработицы становится рост преступности, самоубийств, насилия, употребление психоактивных веществ [3].

Следует отметить важность понимания того, что снижение уязвимости и формирование жизнестойкости имеют большое значение для устойчивого человеческого развития. Оно вписывается в национальные контексты развития и может влиять на стратегии, повышающие качество человеческого капитала.

Мы указали на значимость принципа всеобщности в решении актуальных проблем и вызовов, связанных с развитием человека. Однако реальная практика его проведения в жизнь далека от совершенства. Слабость государственных социальных технологий, обусловленная ограниченностью ресурсов, доминированием транснациональных компаний, связанных с международным капиталом и финансами, и тем самым ограничивающих возможности национальных государств, особенно в сфере рынка труда, приводит к возникновению индивидуализированного общества (З. Бауман) в последней трети XX – начале XXI века. Утрачивается былая сбалансированность между общественным и частным, за счет которой поддерживалась устойчивость социального порядка.

Индивидуализация рассматривается З. Бауманом в первую очередь как отрицание форм социальности, известных из прошлого. В этой связи «личное и общественное остаются неразрывно связанными, но жизнь человека становится не столько взаимодействием с обществом, сколько *биографическим разрешением системных противоречий* (курсив – В.В.).

Таким образом, положение человека в условиях индивидуализированного общества, его жизненный путь и биография насыщаются рисками, часто непредсказуемыми с точки зрения будущих последствий: «Явление, которое исследователи стараются постичь, это совокупный опыт неуверенности человека в его положении, в правах, в доступных средствах к существованию, неопределенности относительно преемственности и будущей стабильности, отсутствие безопасности для физического тела человека, его личности и их продолжений – имущества, социального окружения, сообщества» [1, с. 194]. Эта неопределенность сопровождается социальным и психологическим переживанием таких проблем как общественное неравенство, бедность, безработица, причем нарастающая неопределенность воспринимается уже как

естественный способ существования. Особенно значимыми, и потому болезненно воспринимаемыми, становятся проблемы, связанные с трудом.

Трансформация общества наемного труда – один из важнейших социальных трендов XXI века. В современном обществе на передний план выходит социальная проблема непрочности, уязвимости, исключения, сегрегации, заброшенности, дезаффиляции¹. Р. Кастель показал, как проблематика уязвимости и социального исключения, претерпевая исторические метаморфозы, связанные с трудом, местом в социальном разделении труда, статусом, обусловленные трудом, правовыми гарантиями и социальным страхованием, что достигнуто значительными усилиями, приводит к новой неустроенности и нестабильности наемного работника в современной социальной ситуации.

Р. Кастель дает характеристику «лишним людям» и свое понимание «негативного индивидуализма»: «Наше общество будто бы с удивлением вновь открывает для себя существование группы населения, которая, как считалось, ушла в прошлое, а именно – «лишних людей», находящихся в обществе, но не принадлежащих к нему. Социальная бесполезность дисквалифицирует их в политическом и гражданском плане. В отличие от подчиненных групп индустриального общества – эксплуатируемых, но необходимых, они не могут влиять на ход вещей. Это «социально бессильные» и «лишние нормальные люди». Проблемой является именно сам факт их существования. *Поскольку эти индивиды определяются негативно (бесполезные, социально бессильные), то размеры этой группы трудно определить. И обычно они это сознают*» [5, с. 478]. (курсив наш – В. В.).

Такая форма индивидуализма, которая сочетает полную независимость индивида с полным отсутствием прочности его положения, характеризует «негативный индивидуализм». Он индивид в чистом виде и вследствие этого всего лишен: «Он индивидуализировался настолько, что стал сверхнезащищенным, выделился из плотной ткани зависимостей и взаимозависимостей» [5, с. 542].

Можно сделать вывод: *современный процесс индивидуализации глубоко амбивалентен, противоречив. Он угрожает обществу фрагментацией, которая делает его неуправляемым, поляризует общество, так как существуют те, кто сочетает*

¹ Примечание: дезаффиляция – от понятия аффиляция – стремление принадлежать к какой-либо социальной группе, быть интегрированным в нее, иметь связи с членами данной группы. Мотив аффиляции – один из основных (наряду с мотивами достижения и власти) мотивов человеческого поведения. Дезаффиляция, таким образом, есть разрыв связи с группой, утрата чувства принадлежности.

индивидуализм с независимостью, поскольку имеет прочную социальную позицию - «позитивный индивидуализм», и те, кто несет свою индивидуальность как крест, так как она означает недостаток социальных связей и отсутствие защиты – «негативный индивидуализм».

Это ставит вопрос о социальной сплоченности. Нам необходимо не полное равенство, но базовые условия для всех, минимальная гарантированная социальная защита, являющаяся условием социального гражданства. Этот тренд – трансформация индивидуализации, формирует контуры будущего. Вектор развития будет зависеть от таких факторов, как интеллектуальная рефлексия, понимание ситуации во всей ее сложности, политическая воля, направленная на социальную сплоченность общества и роль социального государства как социального института, создающего нормативный базис, противодействующий «негативному индивидуализму».

Управленческие техники и жизненная политика выбора как тенденции трансформации человека

Многие исследователи указывают, что управленческие техники будут все более расширяться в воздействии на человека. Герман Кан, например, считает, что в ближайшие 33 года в возможных технических изобретениях обнаруживается большое количество техник контроля за поведением и изменением личности [9, с. 108]:

- Новые и более всеобъемлющие техники надзора, мониторинга и контроля;
- Новые, более надежные «образовательные и пропагандистские техники», влияющие на частное и общественное поведение;
- Практическое использование непосредственной электронной коммуникации для стимулирования работы мозга;
- Разнообразные лекарственные препараты для контроля над утомляемостью, релаксацией, тревожностью, настроением, личностью, восприятием, фантазиями;
- Проверенные возможности «перемены пола»;
- Разные способы генетического контроля конституции индивида и влияния на нее.

Какие риски несут подобные управленческие техники, возможность которых не исключена в будущем и уже отчасти реализуется в настоящем?

По мнению Ю. Хабермаса, это может привести к следующим последствиям: во-первых, психотехнические манипуляции поведением могут исключить субъектную

интерпретацию культурных норм. Во-вторых, биотехнологическое вмешательство в эндокринную систему и генетическую передачу наследственной информации может привести к еще более глубокому контролю над поведением. Он делает вывод: «Самообъективация человека была бы завершена в запланированном отчуждении – люди бы стали творить свою историю по собственной воле, но неосознанно» [9, с. 108]. Таким образом, место определенного культурой самопонимания социального жизненного мира занимает самоовеществление человека в рамках целерационального действия и адаптивного поведения.

В современной литературе обсуждаются вопросы «трансгуманизма» и возникновения «постчеловека» как более совершенного индивида, что связывается с идеями улучшения биологического тела человека, причем иногда в аспекте генетической специализации людей будущего. При этом не учитывается такой факт, что человек – это сложная, самоорганизующаяся система, изменение одного из элементов которой ведет к изменению остальных элементов системы, что может иметь следствием непредсказуемые и неуправляемые последствия. Я присоединяюсь к позиции тех, кто считает, что «риски всегда сопутствуют радикальным трансформациям человека как биосоциальной системы» (В.С. Степин). «В отличие от трансгуманистов, – пишет В.С. Степин, – я не воспринимаю позитивно-восторженной сценарий постчеловека... Если игнорировать ситуации риска при генетических манипуляциях с биологической составляющей человеческой телесности, то скорее всего, будут созданы условия не для совершенствования человека, а для новых кризисов и социальных катастроф» [7, с. 40-41]. Одной из таких угроз, обоснованно пугающих человека является страх потери *человеческой* идентичности, размывание границы [10, с. 106] между естественным человеком и его искусственно созданными аналогами. К искусственно созданным аналогам относятся робот, андроид, киборг. «В триаде “человек-андроид-животное”» киборги и андрониды, “искусственные люди”, имеют общее с человеком, прежде всего, способность к логическому мышлению и целеустремленность, в то время как общим для человека и “человекозверей” являются физиология и витальность. Человек по сравнению со своими гибридами является чем-то вроде “золотой середины”, человек умеет подчинить физиологию и инстинкты разуму и мысли, однако способен также на эмоциональность и спонтанность» [6, с. 106]. Вопрос о природе человека как вида, его идентичности имеет длительную историю самопонимания и саморепрезентаций, выделяющих сущностные доминанты – разум, труд, открытость, незавершенность и другие особенности, но в век биотехнологий и биомедицинских

технологий этот вопрос приобретает особый смысл. Наука и основанные на знаниях технологии дают возможность, с одной стороны, оказывать позитивное терапевтическое воздействие на человека, его телесность и психику, но и одновременно создают соблазн улучшения человеческой природы, а на индивидуальном уровне – расширяют возможности выбора.

Если управленческие техники, о которых шла речь, воздействуют на человека извне, то жизненная политика предполагает *выбор*, это политика *выбора стиля жизни* [11] (Э. Гидденс). Она связана с самореализацией человека в обществе позднего модерна, опирается на научный потенциал предлагаемых к использованию технологий. Политика жизненных решений, проистекающая из свободы выбора, ставит вопросы о создании морально-оправданных форм жизни, порождает мораль, которая озабочена вопросом, как нам следует жить в посттрадиционном обществе. Жизненная политика затрагивает *самоидентичность* человека, которая сегодня становится рефлексивным проектом. Применительно к проблеме индивидуальности человека политику стиля жизни, основанную на выборе, можно считать базовой социальной технологией. Какие же проблемы выбора формируют самоидентичность как рефлексивный проект? Э. Гидденс указывает на эти болевые точки:

- Гендерная идентичность: останется ли личность анатомически с тем же полом, в котором родилась;
- Проблема аборта: имеет ли правообладатель тела право на произведенное им? Является ли зародыш человеком? Как это соотносится с философским определением человека, правами человека и нравственностью;
- В условиях позднего модерна тело стало условием рефлексивной реструктуризации. В традиционном обществе оно «было дано», теперь его границы изменяются, так как в него входят *рефлексивная программа индивидуальности* при посредничестве абстрактных систем (экспертное знание). Это путеводители, практические руководства о том, как заниматься здоровьем, внешним видом, упражнениями, любовью и т.д. Это социальные технологии, преобразующие естественное. Обращение к телу инициирует новый поиск идентичности, и стратегии телесного развития занимают значительное место в жизненном планировании.

В итоге, совершенствование и его предполагаемый результат «совершенный человек» мыслится теперь не столько на пути духовного самосовершенствования, как было ранее, в традиционном обществе, на этапе, предшествующем поздней

современности, сколько доминантой становятся телесные практики, в том числе, и распоряжение телесными продуктами и частями тела. Чем больше мы рефлексивно «делаем себя» как личности, тем больше сама категория того, чем является личность или человеческое существо, выходит на первый план, то есть возникает вопрос о границе, в которой человек остается человеком.

Какова оценка жизненной политики, основанной на индивидуальном выборе и научных технологиях? Можно ли эти процессы считать совершенствованием человека, улучшением его природы? Ответ неоднозначен. Эти практики амбивалентны, так как наряду с лечебными эффектами, несут в себе значительные риски. Эти риски таковы: во-первых, социализированная репродукция соотносит индивидуальные решения с преимуществом самого человеческого вида. Ю. Хабермас считает, что мы «на пути к либеральной евгенике» и речь идет о самоинструментализации человеческого вида; во-вторых, рост населения как главного ресурса и потенциала любой страны становится включенным в абстрактные системы (знания, экспертизы); в-третьих, индивидуальное принятие решений может привести к непредсказуемым последствиям (гендерный дисбаланс и дисбаланс по половому признаку).

Положительными моментами, возникающими в связи с жизненной политикой, является возвращение на социально-значимое место моральных и экзистенциальных вопросов. Это восстановление нравственности в общественной жизни и обновление моральных дискуссий о различных вариантах стиля и образа жизни.

Прогресс научного знания и его влияние на улучшение человеческой природы в проекте «Геном человека» и его этические основы

Беспрецедентным для предшествующего исторического развития общества стало знание биологии и медицины, способное повлиять посредством практического применения биотехнологий на человеческую природу. К их числу относятся пренатальная диагностика наследственных заболеваний, оплодотворение в пробирке, трансплантация органов, генная инженерия. Эти биомедицинские технологии и многие другие, связанные с расшифровкой генома человека, дают большие надежды на их терапевтическое использование во благо человека, улучшение его здоровья и эффективное лечение, но, вместе с тем, порождают новые, ранее неизвестные проблемы и риски, как морального, так и правового порядка. В обществе, в философии, медицинской практике и в научно-исследовательских коллективах идут активные дискуссии о том, какие моральные и правовые нормы считаются наиболее адекватными на современном этапе развития науки,

особенно в связи с расшифровкой генома человека и возможностями практического использования этого знания. Биоэтика, возникшая как ответ на этот вызов и запрос общества, сформулировала базисные принципы и правила: «принцип «делай благо», принцип «не навреди», принцип автономии личности и принцип справедливости. К трем основным моральным правилам принадлежат «правило правдивости», «правило конфиденциальности» и «правило информированного согласия» [8]. Каждый из этих принципов и правил подробно разъясняется и комментируется в Декларациях и заявлениях международных комитетов по этике. Среди этих документов особенно важны такие, как Конвенция Совета Европы «О защите прав и достоинства человека в связи с использованием достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине», Всеобщая декларация ЮНЕСКО о геноме человека и правах человека, «Декларация Бильбао», «Декларация Инуяма» и другие документы. Анализ этих регулятивных международных документов и заявлений указывает на необходимость соблюдать в области использования достижений современной биологии и медицины защиту достоинства и индивидуальной целостности каждого человека, гарантировать уважение личности, ее основных прав и свобод, совершенствовать национальное законодательство в этой области. В Конвенции Совета Европы отмечаются такие важные положения как приоритет человека, то есть интересы и блага отдельного человека должны превалировать над интересами общества и науки; медицинское вмешательство осуществляется только после добровольного информированного согласия; частная жизнь и право на информацию: каждый человек имеет право рассчитывать на уважение собственной частной жизни и сведений о своем здоровье; Особый социальный этический смысл приобретает положение о запрещении любой формы дискриминации по признаку генетического статуса того или иного лица (статья 11). Это касается приема на работу, страхования, кредитования и других социальных акций.

Трансформация человеческого потенциала – улучшение состояния здоровья, эффективное лечение наследственных заболеваний, улучшение демографических показателей народонаселения на основе пренатальной диагностики, трансплантация органов и тканей человека – возможна сегодня на основе научного знания и биотехнологий, что можно считать современным этапом улучшения человеческой природы. Вместе с тем, фундаментальные проблемы биологии и медицины, особенно их социально-экономические, этические и юридические аспекты должны подвергаться широкому общественному обсуждению. Это важно потому, что наряду с улучшением и

пользой, которую они могут принести, возникают серьезные риски. Именно поэтому важна социальная коммуникация с целью достижения консенсуса в этико-правовом регулировании и определении границ безопасного вмешательства в человеческую природу.

Библиографический список:

1. Бауман З. Индивидуализированное общество / пер. с англ. В.Л. Иноземцева. М.: Логос, 2002.
2. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М.: Весь мир, 2004.
3. Доклад о человеческом развитии 2014. Обеспечение устойчивого прогресса человечества: уменьшение уязвимости и формирование жизнестойкости. ПР.ООН. М.: Весь мир, 2015.
4. Доклад о человеческом развитии 2015. Труд во имя человеческого развития / пер. с англ. Программа развития ООН. М.: Весь мир, 2016.
5. Кастель Р. Метаморфозы социального вопроса. Хроника наемного труда. / пер. с фр.; общ. ред. пер. Н.А. Шматко. – СПб.: Алетейл, 2009.
6. Кожевникова М. Гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии. М.: ИФ РАН, 2017. С. 106.
7. Степин В.С. Трансгуманизм и проблема социальных рисков (Проблема совершенствования человека (в свете новых технологий): Трансгуманизм и проблема социальных рисков. Редукционизм как соблазн наук о человеке. Об идолах и идеалах биотехнологического самоизобретения человека. Как возможен совершенный человек? / Отв.ред. Г.Л. Белкина. М.: Ленанд, 2016.
8. Тищенко П.Д., Юдин Б.Г. Проект «Геном человека»: этические и правовые нормы // Этико-правовые аспекты проекта «Геном человека» (Международные документы и аналитические материалы). М., 1998. С. 15.
9. Хабермас Ю. Наука и техника как идеология. М., 2007.
10. Юдин Б.Г. Границы человеческого существа как пространства технологических воздействий // Вопросы социальной теории. 2011. Т. V. С. 106.
11. Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Stanford (Cal.). 1991. 256 p.

Veryaskina V.P. Transformation of a person in a risk society: the role of social and biomedical technologies

The article is devoted to the analysis of the trends of human transformation in the era of late modernity. These tendencies are linked to the challenges in the field of human development, which is defined as the expansion of choices in social and individual life. The challenge in social life is connected with the limitation of opportunities in connection with the crisis of the wage-labor society and the emerging risks of individualization. Context of human transformation is the loss of control over changes, uncertainty, and as a result of biographical resolution of systemic

contradictions. Risks in the individual life are associated with management techniques of behavioral manipulation. The choice of lifestyle forms the self-identity of a person, but leads simultaneously to the risks and responsibilities for this choice. The use of biotechnologies, including biomedical, can serve to improve and positive transformation of a person, but within the framework of ethical and legal regulation and defining the limits of safe intervention in human nature.

Keywords: person, transformation, human development, social technologies, labor, management, biotechnology, risk, life policy, ethics